

аспирантов. Аспирант В. Д. Жигунин работает над кандидатской диссертацией «Внешнеполитическое положение Македонии эпохи развитого эллинизма». Ассистентом Г. В. Атласовым завершается кандидатская диссертация «Проблемы античной Македонии в современной французской историографии»; по этой теме им опубликовано несколько статей²². Такого же рода работы выполняются на кафедре по материалам немецкой и английской историографии.

Кафедра всеобщей истории Казанского университета установила научные связи с учеными социалистических стран (Болгарии, Чехословакии, Югославии) и с некоторыми научными учреждениями Франции, в частности с Безансонским университетом, где на протяжении более 40 лет (до самой своей смерти в 1961 г.) продолжал трудиться самый крупный французский македолог Поль Клоше и где работают его ученики. Кафедра поддерживает научные контакты с античниками Московского, Воронежского, Белорусского, Пермского, Львовского, Уральского и Томского университетов, а также Вологодского, Горьковского, Лудцкого пединститутов.

Другое направление научной работы кафедры — историографическое: изучаются вопросы античной историографии и историографии античности. Читается специальный курс «античная историография» (проф. А. С. Шофман). В 1966 г. была завершена и защищена в качестве кандидатской диссертации работа А. Д. Константиновой о М. С. Куторге; по теме диссертации автором напечатан ряд статей²³. В этом плане изучается научное наследство В. И. Модестова, Ф. Г. Мищенко и М. М. Хвостова. Аспирантка кафедры И. Н. Матвеева заканчивает работу над кандидатской диссертацией «М. М. Хвостов как историк античности».

На кафедре ведется работа по воспитанию научных кадров. С 1966 г. при кафедре работает специальный семинар «Античность и современная буржуазная историография». Этот семинар объединяет аспирантов и студентов разных курсов, работающих по индивидуальным планам. Участники этого семинара представляют доклады и рефераты, которые совместно обсуждаются. Лучшие из них публикуются в «Ученых записках» университета. При кафедре издаются тематические сборники «Вопросы историографии всеобщей истории».

Кафедра имеет перспективный план развития антиковедения в Казанском университете, который она надеется выполнить.

А. С. Шофман

²² Г. В. Атласов — А. С. Шофман, Некоторые вопросы античной Македонии в трудах французского историка Поля Клоше, «Вопросы историографии всеобщей истории», Казань, 1964, вып. 1, стр. 111—154; Г. В. Атласов, К вопросу о теоретико-методологических основах современной французской историографии, «Вопросы историографии всеобщей истории», вып. 2, Казань, 1967, стр. 3—33.

²³ А. Д. Константинова, Некоторые вопросы родового строя древних греков в трудах М. С. Куторги, «Итоговая научная конференция КГУ за 1962 г.», стр. 29—30; она же, М. С. Куторга об образовании Афинского государства, «Итоговая научная конференция КГУ, 1963 г.», стр. 25—28; К вопросу о научных взглядах М. С. Куторги, «Вопросы истории, филологии и педагогики», Казань, 1965, стр. 23—28; Проблема античного рабства в трудах М. С. Куторги, «Вопросы историографии всеобщей истории», вып. 1, Казань, 1964, стр. 58—88; Жизнь и научная деятельность М. С. Куторги, «Вопросы историографии всеобщей истории», вып. 2, Казань, 1967, стр. 80—122.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Т. В. БЛАВАТСКАЯ, *Ахейская Греция во II тысячелетии до н. э.*, М., Изд-во «Наука», 1966, тираж 2500, цена 1 р. 24 к.

Археолого-историческая монография Т. В. Блаватской существенно образом отличается от двух вышедших ранее исследований советских античников, посвященных древнейшей Греции. Если монографии С. Я. Лурье¹ и Я. А. Ленцмана² были основаны на исследовании расшифрованных в 1952—1953 гг. надписей, начертанных линейным письмом В, то рецензируемый труд построен почти исключительно на археологическом материале. К этому обязывала прежде всего тема, которая охватывает огромный период от палеолита и неолита до падения ахейских государств в XII в. до н. э. Естественно, что основными источниками такого исследования являются археологические материалы, которые последовательно отбираются, описываются и разбираются от первой до последней страницы монографии. И надо сразу отметить, что автору удается в результате кропотливого описания и анализа этих немых и неравномерно распределенных во времени и территориально источников предлагать в подавляющем большинстве случаев весьма убедительные исторические выводы, социально-экономические, политические и идеологические характеристики. Рецензируемая монография еще раз показывает, к каким плодотворным результатам приводит марксистское исследование археологических источников. Она состоит из введения, включающего вводные общие положения принципиального характера, краткий источниковедческо-историографический обзор, изложение вопросов периодизации и хронологии, и пяти глав основного текста. К монографии приложены 108 фотографий на

отдельных таблицах. Часть фотографий принадлежит самой Т. В. Блаватской. В книге имеются также схемы, карта, список литературы и указатели. Во введении автор определил свою работу как «попытку собрать воедино имеющиеся археологические источники и, сопоставив их с другими, наметить контуры происходившего тогда исторического процесса». Кроме того, «автор стремился возможно полнее изложить новые данные по важнейшим вопросам» (стр. 4—5). Во введении же справедливо отмечается, что общественное развитие на юге Балканского полуострова было местным вариантом общего процесса исторического развития древнего мира. Т. В. Блаватская обоснованно присоединяется к мнению, впервые высказанному еще Дж. Пендлбери и повторенному другими исследователями, что ограничительный термин «микенский» следует заменить термином «позднееэлладский» и что термин «ахейский», принятый М. Вентрисом, Дж. Чадвиком и другими лингвистами, как более распространенный в эпосе, наиболее подходит для общего наименования истории и культуры Греции в XX—XII вв. до н. э.» (стр. 5).

Приступая к характеристике источников, автор справедливо замечает: «До сих пор археологические памятники остаются самой разнообразной и полной категорией источников по истории ахейской Греции» (стр. 5). Кратко остановившись на письменных и литературных источниках, автор присоединяется к мнению ряда зарубежных исследователей 30—50-х годов, которые относят героический эпос к ахейскому времени (стр. 8), и допускает наличие в эпосе двух ахейских пластов: 1) XVI—XV вв. и 2) XIV—XIII вв. (стр. 14). На этом основании в дальнейшем допускаются многочисленные сравнения археологических материалов с отдельными местами и описаниями из «Илиады» и «Одиссеи» и из преданий, сохра-

¹ С. Я. Лурье, *Язык и культура Микенской Греции*, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1957.

² Я. А. Ленцман, *Рабство в микенской и гомеровской Греции*, М., Изд-во АН СССР, 1963.

нившихся в других литературных источниках. Однако следует принять к сведению и многозначительную оговорку автора о том, «в какой мере эпос может служить источником для политической и социальной истории ахейской Греции времени троянского похода». Оказывается, что «осветить названный вопрос сколько-нибудь исчерпывающе в настоящее время не представляется возможным». И далее: «героические песни были поэтическими произведениями, ценившимися в первую очередь за их художественные качества. Поэтому в поэмах можно видеть достоверный источник по бытовой или религиозной истории ахейцев, но конструировать конкретную политическую историю ахейской Греции по данным эпоса следует с большой осторожностью. Так же осторожно нужно разбирать и картину социальных отношений, нарисованную в обеих поэмах» (стр. 15).

Перейдем к обзору основной части монографии. Глава первая посвящена природным условиям и населению материковой Греции в эпоху палеолита и неолита. Вторая глава, озаглавленная «Греция XXIII—XVII вв.», посвящена поселениям эпохи ранней бронзы и возвышению Микенского царства. Глава третья посвящена экономической жизни Греции во II тыс. В ней исследуется сельское хозяйство, развитие ремесла, торговля и весовые деньги. В главе четвертой, озаглавленной «Деревня и город ахейской Греции» рассматривается проблема характеристик деревни и города, причем большая часть главы посвящена пилосскому дворцу. Последняя, пятая глава, скромно названная «Некоторые вопросы истории Греции XVI—XII вв.», в значительной степени носит обобщающий характер и подводит итоги предыдущего изложения.

Прежде всего, при чтении основной части монографии бросается в глаза большая историографическая и археологическая эрудиция автора. Т. В. Блаватская, тщательно используя материалы А. Уэйса, К. Куруниотиса, Г. Милонаса, К. Блегена, Сп. Маринатоса и многих других, последовательно полемизирует с ними в процессе исследования археологических памятников. По ходу изложения она также обратила внимание на влияние природных условий на исторический процесс развития ахейцев, на формирование психологии различных групп населения этого общества, что долгое время недооценивалось нашими историками. Новые археологические данные, привлеченные автором с палеолита, дали основание автору высказать мнение, что «следует пересмотреть некоторые сложившиеся ранее представления о ходе исторического процесса в Греции. Так, оставание в изучении древнейших обитателей Балканского полуострова привело

к возникновению и широкому распространению теории о культурной отсталости Греции в древнейшие эпохи» (стр. 29) по сравнению с древним Востоком. После открытия в 1961 г. раннего неолитического поселения земледельцев в Неа-Никомедии, относящегося к последней трети VII тыс., очевидно излишняя категоричность такого мнения, заканчивает автор монографии (стр. 30). Жившие здесь люди были земледельцами и скотоводами. На основе достижений неолита в Греции в конце IV — первой половине III тыс. до н. э. стал возможен переход к изготовлению орудий из меди (стр. 32). Далее автор полагает, «что археологических следов вселения новой этнической группы в Грецию в начале эпохи бронзы до сих пор нет» (стр. 35), что приникновение в Элладе протогреческих племен происходило постепенно в течение столетий и также постепенно происходило слияние пришельцев с исконным неолитическим населением. Об этом говорят исследованные археологические данные. Они уже дают возможность заметить еще до предполагаемого рядом зарубежных археологов переселения ахейцев, уже во второй половине III тыс. до н. э. «начало распада родо-племенной организации и превращения родовых общин в сельские или территориальные» (стр. 35). Далее предлагается археологический обзор поселений ранней бронзы, отмечается, что в изучаемое время островной мир Эгейского моря «создал яркую локальную культуру, получившую наименование Кикладской» (стр. 35). Быстро развивались и поселения на материке. Автор рассматривает данные, относящиеся к ряду поселений и, в частности, к Пилосу, достигшему к началу XVI в. большого могущества. Неподалеку от Пилоса был обнаружен и самый ранний ахейский фолос (круглая купольная гробница).

«Изобретение фолоса, — замечает Т. В. Блаватская, — в самом начале XVI в. отражает те большие изменения в общественном сознании населения Мессении, которые происходили в предшествующее время. Фолос служил одним из внешних средств, которыми господствующая группа подчеркивала прочность своего главенства» (стр. 45). Фолос по своей идее является курганом, по-видимому, он местного происхождения. Далее автор подробно останавливается на археологии возвышения Микенского царства. Раскопки царского некрополя «наглядно демонстрируют, как возрастали богатство и могущество микенских владык» в период 1650—1500 гг. Т. В. Блаватская справедливо отмечает, что «Появление обильного инвентаря умерших царей было обусловлено не только огромными экономическими возможностями царского дома, но и утвердившимся в то время мнением, что могущественный правитель продолжает быть таковым и в потусторон-

нем мире. Эти взгляды усиленно насаждались самими микенскими властями, поскольку они усиливали их земную власть и придавали им еще больший авторитет» (стр. 50). Ряд социально-политических характеристик подкрепляются сносками на описания в «Илиаде» и «Одиссее». Погребальный инвентарь в могилах знати также показывает, что «представления о частной собственности были уже развиты в этой среде, так как в загробном мире полагали необходимой стеклянную печать, бронзовые весы» (стр. 65—66). Возникновение в это время государственных организмов происходило и в других местах Арголиды, в Аттике и т. д. «Превращение акрополей в крепости, где обитали басилей, свидетельствует, что власть местных правителей быстро теряла свой общенародный характер, становясь институтом господства над народом» (стр. 69). Растет социальная дифференциация, развивается торговля материковой Греции с островным миром, обо всем этом говорит археология. По ходу изложения последовательно подчеркивается на археологическом материале самостоятельность ахейской культуры и поверхность иноземных влияний, которые возникали в связи с развитием торговли с Кикладами, Критом, Египтом. В сельском хозяйстве, ремеслах и торговле сохраняются исконно ахейские традиции, на что также указывают археология и эпос. Автор монографии приходит к заключению, основанному на анализе материальных памятников, что «общий характер ахейского ремесленного производства позволяет говорить о том, что ахейцы достигли самого высокого уровня производительных сил, какой только возможен в эпоху бронзовой техники» (стр. 90). Отмечая большие трудности, которые возникают при изучении системы организации ремесленного производства, Т. В. Блаватская обращает внимание на дома богатых ремесленников возле микенского дворца. Это так называемые «Дом шитов», «Дом сфинксов», «Дом маслоторговца». «Другие остатки ремесленных мастерских — в Бербати, в Фивах, в Деидре, в восточном конце Микен — почти ничего не дают для определения социального положения местных работников. Можно заметить лишь, что это были не очень богатые люди» (стр. 91). В противоположность мнению С. Я. Лурье, основанному на чтении шилоских табличек, написанных линейным письмом В, автор на основе археологических данных из Микен считает, «что в системе ремесла доминировала деятельность индивидуального производителя, не ограничиваемого указаниями из дворца» (стр. 91). Развитие ремесел было отражено в религии появлением богов-покровителей ремесла, на что указывает эпос. «Важным обстоятельством, подтверждающим возникновение проремесленных тенденций

в греческом обществе изучаемого времени, — пишет Т. В. Блаватская, — является тщательно разработанная ремесленная терминология, сохранившаяся в эпосе» (стр. 93). Экономическая жизнь ахейского общества XV—XIII вв. до н. э. завершается указанием на дальнейшее развитие внутренней и внешней торговли с Востоком и Западом, а также с северными областями Балканского полуострова. Развитие торговли сопровождалось развитием кораблестроения и распространением слитков меди и золота гарантированного веса в качестве денег.

Обращаясь к специальному исследованию ахейской деревни, автор монографии делает ударение на исключительно археологические источники, хотя тут же отмечает, что «к сожалению, деревенские поселения исследованы еще недостаточно» (стр. 109). Такой отбор источников мотивирован тем, что данные эпоса освещают эти вопросы лишь в очень небольшой степени, а письменность ахейская деревня не пользовалась (стр. 105). Археологические данные, однако, сообщают важные сведения о численном росте сел и деревень в XV—XIII вв. до н. э. и о наличии различных группировок внутри ахейской деревни, на что указывают, например, раскопки в Кораку и в других местах (стр. 106—109). Но несмотря на оговорку относительно надписей, Т. В. Блаватская все же оказалась вынужденной сослаться на шилосские таблички, чтобы обосновать свой вывод о том, что в ахейских деревнях существовала территориальная община и элементы крупного частного землепользования.

Заметив, что материалы по истории ахейского города еще очень немногочисленны, автор все же полагает, что в экономической и социальной жизни Греции XVII—XIII вв. до н. э. города играли большую роль (стр. 115). В примечании Т. В. Блаватская специально отмечает, что она не согласна с мнением Я. А. Ленцмана об отсутствии городов вокруг дворцов в ахейской Греции, поскольку это противоречит археологическим данным. Далее, как ранний тип городского поселения рассматривается Дорпон IV, относящийся примерно к XVIII в. до н. э. В нем, по-видимому, «жила община во главе с вождем. Здесь же находился и центр ремесленного производства... Поселение было окружено мощной оборонительной стеной» (стр. 115). В период наивысшего развития ахейского общества в XIV—XIII вв. до н. э. Т. В. Блаватская различает два типа ахейского города: 1) первый — крупный город, центр политической власти и одновременно место значительного и разнообразного ремесленного производства. Таковы Микены, Тиринф, Пилос... Другой тип — небольшой городок... с сильно развитой ремесленной жизнью (Бербати, Дорпон V). Многочисленность больших и мелких

городов в ахейской Элладе изучаемого времени отражена в «Каталоге кораблей» (стр. 117). О структуре ахейского города XVI—XIII вв. до н. э., по мнению автора монографии, наиболее полное представление дают раскопки Микен (стр. 117). Остальная большая часть главы о деревне и городе ахейских греков посвящена, как уже упоминалось выше, подробному археологическому описанию пилосского дворца (стр. 121—146). Отмечается единство архитектурной традиции дворцовых ансамблей Мессении, Арголиды, Беотии, Фессалии. Отмечен сложный характер царского хозяйства. Упомянуты находки в пилосском дворце большого количества надписей, написанных линейным письмом В. Но даже и здесь они фактически не использованы и даже сам пилосский владыка назван базилеем, а не «ванакаой», как его называют пилосские надписи.

На протяжении всей монографии социально-экономическое, политическое и идеологическое развитие ахейского общества прослеживается только на основе большого, тщательно описанного и разобранного археологического материала и, по мере возможности, сопоставленного с эпосом. Исследование комплексов археологических памятников во всех случаях завершается серьезно обоснованными, вытекающими из проделанного разбора выводами. Впервые в советской историографии исследована история юга Балканского полуострова от палеолита до падения ахейских государств. Надо еще раз отметить, что немые археологические источники, конечно, являются главными и основными при разработке такой темы. Однако все же неоправданной является недооценка письменных источников, табличек с надписями линейным письмом В. Конечно, этот источник относится только к позднеэлладскому периоду. Но и в позднеэлладском периоде он почти не использован. На это обстоятельство мы обращаем внимание еще потому, что эпос, дошедший до нас в записях гораздо более позднего времени и не являющийся стро-

го документальным материалом, явно предпочитается автором монографии документальным пилосским и микенским надписям — современницам событий. На наш взгляд, спорна и аналогия ахейского общества со скифским середины I тыс. до н. э. и подобными ему, высказанная Т. В. Блаватской в последней, пятой главе. Исследование содержания пилосских и микенских надписей помогло бы уточнить характеристику ахейского общества и государства. Но поскольку основным источником рецензируемой монографии является археология, то следует вспомнить, что у скифов не было чего-либо, напоминающего ахейские дворцы, не было и своей письменности. И еще одно замечание. На наш взгляд, в монографии недостаточно уделено внимания внешним связям и влияниям, отчего создается впечатление о некоторой обособленности развития ахейской Греции.

Однако эти замечания ни в коей мере не влияют на высокую в целом оценку монографии, являющейся бесспорным достижением советской исторической науки по истории древнейшей Греции, периоду еще недостаточно изученному и по существу источников допускающему сосуществование различных точек зрения по целому ряду вопросов. Рецензируемый труд заполняет весьма существенный пробел, существовавший до сих пор в нашей исторической научной литературе. В монографии на обильном археологическом материале, частично сопоставленном с другими источниками, убедительно показано постепенное разложение первобытно-общинного строя на юге Балканского полуострова и возникновение и развитие раннеабовладельческих отношений и раннеабовладельческих ахейских государств. Таким образом, Т. В. Блаватская выполнила сформулированную ею во введении (стр. 15) трудную задачу: она весьма основательно «наметила контуры происшедшего тогда исторического процесса».

Н. Н. Пигус

«История Византии», т. I, М., Изд-во «Наука», 1967, 523 стр., тираж 16 300, цена 2 р. 50 к.

Первый том трехтомной «Истории Византии», написанный коллективом наших ведущих, а также молодых, но уже известных своими исследованиями специалистов по истории Восточной Римской империи IV—VII вв. (З. В. Удальцова, М. Я. Сюзюмов, Г. Л. Курбатов, Е. Э. Липшиц, К. В. Хвостова, Р. А. Наследова, С. С. Аверинцев, Е. Э. Гранстрем,

А. В. Банк), представляет значительное явление в советской историографии. Он подводит некоторые итоги многолетним исследованиям и движениям советского византиноведения и, что всегда неизбежно связано с подведением итогов, выявляет круг проблем, спорных и подлежащих дальнейшему обсуждению. В последнем смысле он особенно ценен для историков

профессионалов. Но вместе с тем живость изложения, яркость характеристик, обилие фактического материала, многочисленные иллюстрации делают его интересным и для широких читательских масс.

Том содержит 20 глав: Источники по истории Византии IV — первой половины VII в.; Образование Византии, природные условия и население; Аграрный строй Византии IV—V вв.; Города, ремесло и торговля IV—V вв.; Константинополь и провинции; Социально-политический строй и административная организация Империи в IV—V вв.; Христианская церковь в IV—VI вв.; Внутреннее и внешнее положение византийского государства в IV в.; Внутренняя и внешняя политика Византии и народное движение во второй половине V в.; Социально-экономическая и административная политика Юстиниана; Законодательные реформы Юстиниана; Церковная политика Юстиниана, народно-еретические движения в Империи; Народные движения при Юстиниане, восстание Ника; Внешняя политика Юстиниана, попытки реставрации Империи на Западе, войны с Ираном, византийская дипломатия; Вторжения славян и их расселение на территории Византийской империи; Внутреннее и внешнее положение Империи во второй половине VI—VII вв.; Византийская наука и просвещение в IV—VII вв.; Неоплатоническая философия IV—VI вв.; Византийская литература IV—VII вв.; Византийское искусство IV—VII вв. Как видно даже из приведенного перечня глав, наиболее характерные, отличительные черты тома, это — стремление авторов органически связывать эволюцию социально-экономических отношений с политическим строем, внутренней и внешней политикой правительства, религиозной и культурной жизнью, а также исключительное внимание к народным движениям, их роли в истории рассматриваемого периода, во внутрицерковной борьбе и борьбе различных группировок господствующего класса. Такой же упор на значение народных элементов, противостоящих элементам аристократическим, делается и в главах по истории культуры. Таким образом, марксистское понимание роли народных масс в ходе исторического процесса во всех его аспектах убедительно противопоставляется буржуазным теориям, видящим единственную движущую силу в истории и особенно в истории культуры лишь в социальной и культурной «элите».

Хронологические рамки тома определяются точкой зрения авторов на IV—VII века как на последний этап существования рабовладельческой формации на территории Восточной Римской империи. Зарождавшиеся там элементы феодализации, по их мнению, возобладали лишь после глубоких политических измене-

ний второй половины VII в. — после отпадения областей, завоеванных арабами, персами, славянами, аварами; разрушения в результате войн большинства старых городов и крупных рабовладельческих имений, земли которых перешли к свободным крестьянским общинам; перехода политической власти в руки феодализирующейся знати и известной децентрализации государственного управления. Тогда, к концу VII — началу VIII в., Византия из рабовладельческой империи превращается в «средневековое, все более феодализирующееся государство», вступает в «новый, феодальный период своего развития», т. е., хотя и при значительных отличиях, начинает следовать по пути, на который несколькими веками раньше вступила западная половина Империи (стр. 374, 376—378). И здесь авторы тома, естественно, сталкиваются с одной из самых важных и вместе с тем самых спорных проблем всемирной истории: чем объясняется разница судеб Западной и Восточной Римской империи? Проблема эта имеет большое теоретическое значение для суждения об общих и частных закономерностях перехода от одной социально-экономической формации к другой, поскольку переход от рабовладельческого к феодальному способу производства должен иметь как какие-то общие с историей других формаций, так и свои особые закономерности. Выявление и объяснение тех и других — благодарная задача для всякого марксиста, работающего в области философии истории. Важна указанная проблема и для разрешения извечного спора между сторонниками концепции коренного различия между ходом развития «запада» и «востока» и сторонниками точки зрения на исторический процесс, как на всемирный, с общими для всего человечества этапами (хотя отдельные общества проходят их по-разному, в разное время, со своими обусловленными множеством конкретных причин отличительными особенностями). Все эти вопросы в последнее время приобрели особую актуальность в Западной Европе и Америке в связи с вновь разгоревшимся старым спором о месте Византии среди других обществ или цивилизаций соответственно о соотношении Византии и многое заимствовавшей у нее Руси, с античной и западноевропейской цивилизациями.

Авторы рецензируемого тома, считая, что с VIII в. Византия вступила в эпоху феодализма, аналогичного западному и обусловленному теми же процессами — внутренней эволюцией общества и вторжениями племен и народов, принесших с собой общину и свободное крестьянское производство, подчеркивают, что устойчивость рабовладельческих отношений и централизованной монархии в восточной половине Империи обуславливалась особенностями социально-экономической